

для потомков. В эпоху Мин в его честь был воздвигнут храм. Характерно, что в период правления династии Цин (иноземной, как и монгольская Юань) «Чжэн ци гэ» удалялась из официальных поэтических антологий. Ныне роскошный парк имени Вэнь Тяньсяна украшает Сянган. Метаморфозы имажинарного китайской культуры не прекращаются и сегодня.

Л. А. Горобец

Уральский федеральный университет

Даосизм в китайской фразеологии: культурологический аспект

Даосизм — национальная религия Китая. Зародившись на заре цивилизации, она была непосредственной участницей становления и развития Срединной империи, во многом определившим самобытность ее культуры. Представленная статья демонстрирует влияние даосизма на языковую действительность, ее фразеологическую составляющую.

Повышение интереса к китайской идиоматике в настоящее время связано с ростом популярности китайского языка, что в немалой степени определено активностью КНР на международной арене. При этом изучение иностранного языка не является самоцелью, но служит средством проникновения в иную культурную реальность и в конечном итоге собственного развития.

Рассматривая феномен даосизма, мы с определенной долей условности выделяем три базовых источника и составные части даосизма и общедоосской доктрины:

1. Учения ранних даосских мыслителей и их школы.
2. Архаичные верования, культы и практики народов Китая, давшие даосизму не только богатый материал мистического опыта, но и обширную религиозную методологию.
3. Древние представления, развившиеся в учение о бессмертии (сяньсуюе).

В исследовании мы собрали и провели культурологический анализ около 400 устойчивых выражений китайского языка, ассоциированных с даосизмом. Исходя из подхода, представленного выше, мы выбрали

соответствующую последовательность изложения материала. В начале работы были отобраны крылатые выражения из сочинений ранних даосских авторов. В силу того, что такие трактаты как «Дао Дэ Цзин», «Ле Цзы», «Чжуан Цзы» переведены на русский язык и доступны отечественному читателю, мы сознательно не приводим их в статье. Некоторые образы, встречающиеся в них, давно перешагнули границу китайской культуры, например бабочка Чжуан Цзы; другие не всегда понятны даже в среде специалистов, такие как «птица в три цуня» из того же трактата, являющаяся нарицательным именем болтуна — «птица в три цуня, а рот в семь» (三寸鸟, 七寸嘴)¹.

Вместе с тем влияние даосской школы на формирование устойчивых языковых форм не ограничивается практикой прямого цитирования. Основные ее положения были переосмыслены народом и прочно вошли в идиоматический фонд китайского языка. Свидетельством этого являются многочисленные фразеологизмы, в которых получили раскрытие базовые категории даосизма — Дао и Дэ. Первая из них определила самоназвание как соответствующей философской школы, так и религиозного института, служа его идентифицирующим признаком. Например, выражение «читать сутры, поклоняться Дао» (坐经拜道, 各有一好) бытует в значении «каждому свое», где даосизм выступает в оппозиции буддизму. Другой пример — «достигнув Дао, вознести куриц и собак» (一人得道, 鸡犬飞升) — «получать выгоду от достижений близкого человека» — демонстрирует достаточно широкое распространение представлений о высших целях, характерных для великих даосских мыслителей, тогда как обретение бессмертия зачастую воспринимается обществом с сугубо утилитарных позиций.

Категория Дэ как воплощение Дао в отношении к человеку проявляется как моральный императив, направляющий его жизнь. Это положение сближает даосизм не только с конфуцианством, но и с другими ведущими направлениями китайской мысли. Различия сказываются на уровне контекста той или иной морально-нравственной системы. Учитывая сравнительно терпимое отношение к приему алкоголя среди даосских адептов, интересна идиома, использующаяся в качестве увещевания при обильных возлияниях: «малое опьянение — от вина, большое — от потери Дэ» (一分醉酒, 十分醉德).

¹ Перевод китайских фразеологизмов, приведенных в статье, выполнен к. и. н. Вэнь Цзянь.

Даосизм немыслим без чрезвычайно многочисленного пантеона божеств и бессмертных; их образы широко распространены. К таким относятся Божество богатства (Цай-шэнь), ставшее аналогом Креза, или Владыка ада (Янь-ван) — нарицательное имя, присваиваемое злодею. Выражение «человек, подобный земным бессмертным» (人是地行仙) служит обозначением бродяги, скитающегося без определенного места жительства. Сват в Китае может быть назван Подлунным старцем. Согласно народным верованиям считается, что Подлунный старец, включенный в даосский пантеон, заранее предназначает в будущие супруги детей и связывает нитью их ножки. С этой же традицией связано следующее устойчивое выражение: «Брачные узы, разделенные тысячью ли, объединены одной нитью» (千里姻缘一线牵). Чудесные дворцы, в которых обитают небожители, стали синонимом прекрасного сооружения, например: «лунные чертоги; дворец небожителей» (琼楼玉宇).

Даосские божества и бессмертные издавна населяют языковые ландшафты Китая. В связи с этим приводим следующие примеры: выражение «крыть землю на голове Великого владыки» (太上头上动土) известно в значении «задевать важного человека», выражение «попасть не по адресу» может быть передано следующей идиомой: «преклонятся Будде, а войти в храм патриарха Люя» (拜佛进了吕祖庙 — 找错了门).

Божества, олицетворяющие природные силы, составляют один из наиболее глубоких пластов даосской традиции, тесно связанный с народными культами. К ним относится Божество Грома, до сих пор смысл выражения «браться за то, что полегче, идти по пути меньшего сопротивления» может быть выражен следующим образом: «Бог Грома ударил в соевый творог — с мягкого начал».

Значительное место в повседневной жизни китайской семьи занимал Бог Домашнего очага. Согласно бытующим представлениям, он следит за всем, что происходит в доме, и в конце года — 23-го или 24-го числа 12-го месяца по лунному календарю — отправляется на доклад в Небесные чертоги Нефритового государя (Юй ди), которому сообщает обо всех делах, происшедших в семье. Считалось, что он возвращается обратно 1-го числа нового года. Обычай его задабривания существует многие столетия и сохранился в китайской фразеологии: «Бог Домашнего очага возносится на небо — что есть, то и говори» — «говорить все как есть, без утайки», или — «Бог Домашнего очага возносится на небо — хорошего побольше говори» — «стараться говорить только хорошее; избегать неприятных слов». Бог долголетия (Шоу-Син) — также один

из излюбленных персонажей фольклора, с ним связаны десятки идиом, например: «Бог Долголетия принял мышьяк — жить надоело» — тоска смертная.

Страж ворот, изображением которого до сих пор украшаются входные двери в китайских домах, продолжает жить в выражении «в старости и божество ворот не ловит бесов» (门神老了不捉鬼). Значимость этого персонажа в прежние времена была велика. Не случайно Владыка ада и его подручные встречаются во множестве китайских фразеологизмов. Например: «мелкий бес всегда проигрывает Яньвану» (小鬼斗不过阎王) — «слабый всегда проигрывает сильному, маленький — большому», или «мелкий бес не отдаст долги Яньвана» (小鬼顶不了阎王债) — применимо к второстепенному обвиняемому в групповом процессе. Скептическое настроение передается фразеологизмом «сомневаться и в божествах, и в бесах» (疑神疑鬼). Архаичные представления, согласно которым за различными непредвиденными ситуациями стоят действия незримых сил, нашли отражение в выражении «бес заставил, божество направило» (鬼使神差). Эти силы могут быть благожелательно или злокозненно настроены к человеку, что и отразилось в приведенном выше устойчивом выражении.

Особое место в даосском пантеоне занимают божества человеческого тела, их насчитывается около 36 тысяч. Их медитативная визуализация и созерцание являются важнейшими составляющими даосских обрядов и повседневных психотехнических занятий. Не все божества благорасположены к человеку. Так, «три червя», воплощающие сребролюбие, чревоугодие и любострастие, препятствуют достижению adeptом бессмертия. Выражение «три червя мечутся, семь отверстий дымят» (三尸暴跳, 七窍生烟) обозначает предельный гнев, в который только может впасть человек. Считается, что ежегодно в день рождения человека три червя поднимаются на Небо и докладывают обо всех его прегрешениях. Даос, идущий по пути самосовершенствования, должен «заперсть» их в своем теле, не смыкая глаз в течение 24 часов, усердно читая канонические тексты и произнося соответствующие заклинания. При постоянстве такой практики можно достичь полной их нейтрализации.

Чрезвычайно популярна в Китае группа персонажей даосской мифологии, получившая название Восемь бессмертных, зачастую они изображаются пересекающими вместе море на лодке, в связи с этим бытует выражение: «при переправе через море каждый из восьми бессмертных

демонстрирует свои чудеса» (八仙过海, 各显神通), что означает «проявить талант и индивидуальные способности».

Требы и сопровождающие их обряды, являющиеся основой ритуальной деятельности даосов, также оставили заметный след в китайской фразеологии. Так при невозможности достойно угостить гостей уместно выражение: «нет вина, нет фруктов, как провести даосскую требу?!» (没酒没浆, 做甚么道场), в более широком значении оно используется для выражения невозможности завершить дело при отсутствии необходимого. Вместе с тем выражение «совершать даосский обряд в спиральной раковине моллюска» (螺螄壳里做道场) получило значение действия в стесненных обстоятельствах.

Воскурение благовоний — один из важных элементов поклонения божествам и бессмертным, поэтому выражение «возжигать благовония» до сих пор используется в значении «рассыпаться в благодарностях», а идиома «возжигать благовония, заодно посмотреть и на монаха — одно дело, двойная выгода» стала аналогом известного «одним выстрелом двух зайцев убить» (извлечь двойную пользу). Курительницы, в которых принято возжигать благовония, могут достигать значительных размеров и представлять собой настоящие произведения искусства, насыщенные традиционной символикой. Вместе с тем, народная мудрость зафиксировала: «Добавишь курительницу — добавишь и беса» (多个香炉多个鬼); выражение используется в языке для обозначения следующей ситуации: лишние люди — лишние хлопоты.

Знаменитый меч инь-ян, перед которым трепещут незримые духи, сохранился в выражении «не страшись копья и дубины на свсту, а страшись двустороннего меча инь-ян» (不怕明处枪和棍, 只怕阴阳两面刀) в значении «не страшна явная опасность, страшно скрытое двуличие». Связанный даосом дух зачастую помещался в волшебную тыкву-горлянку, поэтому выражение «быть запертым в тыкве-горлянке» означает «быть в полном неведении, не знать, что происходит вокруг»; а сама закупоренная тыква-горлянка означает непонятное, загадочное, а также молчаливого человека. Завершают даосские службы обряды проводов духов, поэтому в языке не случайно закрепилась идиома: «Человек страшится почитания, духи — проводов» (人怕敬, 鬼怕送).

Неотъемлемой частью повседневной практики даосов являются китайская геомантия (фоншуй), физиогномика (каньсян), предсказание судьбы (суаньмин) и другие виды гаданий. Многие из них носят спекулятивный характер, что нашло отражение в языковой практике, не случайно

говорится: «Не доверяй гадателю, иначе получишь полное разочарование» (阴阳不可信, 信了一肚闷). В то же время другое устойчивое выражение поддерживает доверяющихся предсказаниям: «Первое гадание не сбылось, второе осуществится» (上卦不灵下卦灵) в значении «в этот раз не получилось, получится в другой раз». Критично народ высказался и по отношению к выбору удачного места захоронения, которое, согласно теории фэншуй, должно обеспечить благополучие не только посмертного существования человека, но и не в меньшей степени его рода: «Лучше иметь чистую совесть, чем хорошую могилу» (阴地好, 不如心地好).

Кумирни — неотъемлемая часть китайского пейзажа. Они возводятся в населенных пунктах и их окрестностях, а также вблизи дорог, на горных перевалах и лесных тропинках. Размеры и убранство их различны. Порядок в кумирнях поддерживается жителями близлежащих селений, путниками или добровольным смотрителем, который может быть как мирянином, так и служителем культа. Внутри кумирен находятся статуи или таблички с именами божеств, популярных в той или иной местности. Зачастую они посвящаются одному наиболее популярному в данной местности герою. Обычно это отражается в ее названии, например «Кумирня Гуаньди» («Гуаньди мяо») в пригороде Хэйхэ провинции Хэйлунцзян. С этой традицией связано следующее выражение: «Показав кумирню, не показали бессмертного» (光给人家说庙, 没叫人家看神) — «рассказав суть дела, не познакомили с его героем».

Характерная особенность китайской религиозности, отмеченная многими исследователями, — религиозный синкретизм. Вместе с тем народное сознание отмечает существующие противоречия между представителями традиционных религиозных институтов: «Одна семья не ведает другую, буддист не ведает даоса» (一家不知一家, 和尚不知道家). В обыденной речи зачастую подчеркиваются внешние, наиболее привлекающие к себе внимание идентификационные черты. Так, понятие «невидаль» может быть передано идиомой «буддийский монах с вином и мясом, даос с овощами — где это видано?!» (酒肉和尚菜道士 — 岂有此理). Социальная критика заключена в выражении «буддийские и даосские монахи кормятся с десяти сторон» (僧道吃十方). Интерес для сравнительного религиоведческого анализа представляет идиома «не страшен краснолицый Гуань Е, а страшен улыбающийся бодхисатва» (不怕红脸关爷, 就怕抿嘴菩萨), используемая в случае, когда говорящий хочет подчеркнуть в характеристике персонажа обманчивость его внешности.

Душа даосизма, ее подлинная поэзия заключена в учении о бессмертии. Язык сохранил обобщенный образ бессмертного, его внешние атрибуты и особенности внутреннего состояния. Так, для того чтобы подчеркнуть бесполезность суеты, употребляется выражение «человек суетлив, бессмертный спокоен» (人忙神不忙). Подчеркивая значение здоровья, отмечают: «В печали — вокруг горькое море, в здоровье — блаженство бессметного» (有愁皆苦海, 无病即神仙). Излюбленное место обитания бессмертных — горы, место соединения Земли и Неба, мистическая ось мира. Даосы издавна селились и основывали свои монастыри в горах. Одновременно с этим осуществлялась сакрализация пространства, для которого изменяет свой обычный порядок и хронологический поток, отсюда укоренившееся в речи выражение: «В горах — семь дней, а на земле — уже тысяча» (山中方七日, 世上已千年).

За все время своего существования даосизм выработал множество способов обретения бессмертия — это методы внешней и внутренней алхимии, различные виды гимнастики и диеты, сексуальные практики и другие. Наиболее распространенные в народе взгляды на обретение бессмертия связаны с приемом адептом пилюли или эликсира бессмертия. Не случайно действенное средство и сейчас называют «чудесной пилюлей — прекрасным снадобьем» (灵丹妙药). Излюбленным сосудом для хранения эликсира бессмертия служит упоминавшаяся выше тыкваторлянка. Не случайно известный даосский бессмертный — покровитель врачей Ли Тегуай изображается именно с этим отличительным атрибутом. Сохранилось выражение: «Продавать неизведанное снадобье из тыквы-горлянки» (不知葫芦里卖的什么药), означающее полную неизвестность, неясность сокрытого; кот в мешке.

С мифологией Древнего Китая связаны представления о возможности обретения бессмертия для человека, вкусившего чудесного плода персикового дерева. Говорится: «Лучше надкусить персик бессмертия, чем съесть корзину гнилых абрикосов» (宁吃仙桃一口, 不吃烂杏一筐). Китайская фразеология сохранила и более экзотические способы обретения бессмертия, например, «съесть мясо Тан Сэна» (吃了唐僧肉 — 长生不老). Тан Сэн (Тан Саньцзан) — буддийский монах, живший в период правления династии Тан. Его путешествия на Запад за буддийскими сутрами послужили основой для сюжета классического китайского романа Ши Найяня «Путешествие на Запад». Согласно произведению, кто проглотит мясо этого святого человека — обретет бессмертие.

Статус бессмертного связан с обретением адептом чудесных способностей. В языковой практике они, как правило, подчеркивают трудность или невозможность исполнить то или иное дело. Приведем лишь несколько примеров: «Трижды “не знаю” на один вопрос не под силу излечить даже бессмертному» (一问三不知, 神仙没法治) — быть полным профаном; «Трое молчат, бессмертный бессилен» (三个不开口, 神仙难下手) — молчание, оберегающее тайну; выражение «Бессмертному трудно определить цену тутового листа» (仙人难断叶价) используется в торговле, когда хотят подчеркнуть быстрое изменение рыночных цен на товары.

Подводя итог, следует подчеркнуть то, что фразеология не просто сохраняет исторические реалии давно минувших эпох, но и актуализирует их в повседневной жизни современного человека. В силу сказанного, изучение ее фондов в культурологическом аспекте имеет особую ценность, способствуя установлению плодотворного диалога между народами.

Н. А. Завьялова

Уральский федеральный университет

Китайские фразеологические единицы с компонентом «числительное» как составляющая дискурса повседневности Китая*

В рамках нашего исследования мы рассматриваем дискурс повседневности Китая с позиции фразеологии. Фразеологизмы, являясь обязательной составляющей духовной памяти народа, ретранслируются, воспроизводятся из поколения в поколение и обеспечивают связь времен. В современном китайском языке фразеологизмы активно используются, нередко выполняя при этом резюмирующую или констатирующую функцию, подводя тем самым итог событий повседневности. Дискурс

* Работа подготовлена в рамках госконтракта № 14.740.11.0224 «Актуализация социально-гуманитарных исследований повседневности в процессе преподавания базовых гуманитарных дисциплин в техническом вузе».